

Культура

Светлана Наборщикова, Зоя Игумнова

Жить с Солженицыным было легко, отчество Исаевич появилось по ошибке, а на музыкальном образовании сына Игната, ставшего известным дирижёром, настоял Мстислав Ростропович. Об этом «Известиям» рассказала президент Фонда Солженицына, вдова великого писателя Наталия Солженицына. Разговор состоялся в преддверии первого заседания по созданию ассоциации, в которую войдут все музеи и объединения, посвящённые Александру Исаевичу.

В середине августа в Рязани открылся самый большой музей Александра Солженицына в стране. Он расположен в здании, которое не имеет отношения к писателю. Хотя в городе есть несколько мест, связанных с именем Солженицына, в том числе и восьмиквартирный деревянный барак — его первый рязанский адрес. Почему так произошло?

Первая мысль была устроить музей в том самом бараке, но не в квартире Солженицыных, а во всей постройке. Тогда губернатором был Олег Иванович Ковалёв. И он мне сказал: «Музей Солженицына в Рязани, конечно, нужен, и народ этого хочет, но для начала барак надо выкупить у собственников. А они за эти восемь квартир назначили такие цены, что на них можно расселить 101 семью рязанцев — из тех, кому полагаются жильё. Ну вот как, на ваш взгляд?» Я сказала: «Я не рязанка, но, на мой взгляд, это не та цена, на которую я бы пошла. Может, найдёте для музея другое место, которое не нужно выкупать».

Оказалось, в Рязани много таких мест, и в результате нам предложили особняк на Николодворянской улице. Это дом Салтыкова-Щедрин — здесь он жил два с половиной года, когда был вице-губернатором. Здание XIX века постройки было в запустении, ни разу не реконструировалось — не случилось с ним этой беды. Есть в Рязани и более старые дома, но они так или иначе перестраивались. Музей должен был открыться еще к 100-летию со дня рождения Александра Исаевича, но было абсолютно нереально так быстро провести реставрацию, а затем создать экспозицию, которая могла бы информативно и выразительно заполнить два больших этажа. В музее на Тверской всего четыре комнатки, но тоже тяжело шло.

На Тверской есть любопытный экспонат на стены кухни нанесены выдержки из ваших дневников.

В том числе.

Мы бросились искать публикации.

Они не опубликованы, настенная публикация первая. Это даже не дневник, в тот момент мне было точно не до него. Младшему сыну, когда Солженицына арестовали, было пять месяцев. Шесть ему исполнилось, когда мы выехали. Я его в корзинке несла, а старшие у ног болтались. Конечно, я тогда никаких записей не вела, но когда через полтора месяца мы догнали Солженицына в Цюрихе, он сидел писал «Невидимок» — это глава из очерков «Бодался телёнок с дубом», где он отдаёт дань своим тайным помощникам — тем, кто помогал прятать и хранить его рукописи.

Я ему говорю: «Земля из-под ног уходит, ни чашек, ни ложек, ни вощины не забудь. Ты мне, пожалуйста, напиши, что у вас там было, когда меня увезли в «Лефортово»». Мы по телефону об этом немного уже говорили, но всего ведь не скажешь. Я и написала. И оценила, как он был прав: писать надо, пока горит. Сейчас я бы ни за что не вспомнила так подробно. Он в своём

Павел Беляков / Иллюстрация

«Как он был прав — писать надо, пока горит»

Общественный деятель
Наталия Солженицына — о мемуарах на кухонной стене, пользе математики для семейных отношений и неопубликованном наследии писателя

пересказе включил это в «Бодался телёнок с дубом», так что я не претендую на то, чтобы печатать оригинал. Вот он, на стенке — пожалуйста, берите.

У вас же есть другие дневниковые записи?

Да, много позже, это уже реальные дневники. Начала записывать, когда мы переехали в Вермонт.

Их публиковать не собираетесь?

Пока нет. Я ещё не опубликовала всё солженицынское, что же я буду себя печатать? Смешно. Когда Александр Исаевич умер, мы начали выпускать ежегодный альманах «Солженицынские тетради». На сегодняшний день вышло шесть выпусков. В этом году выпустим седьмой, потом, наверное, будем делать альманах раз в два года, потому что это серьёзное научное издание. Есть там и переписка с комментариями.

В рубрике «Публикуется впервые» уже много напечатано, но осталось гораздо больше. В шестом выпуске вышла глава «Детство» из воспоминаний

У ваших родителей была такая же крепкая семья?

Мой отец погиб под Вязьмой в 1941-м. Одна-единственная фотография сохранилась, где он с пионерским галстуком в «Артеке». Ездил туда как гость. Мать осталась вдовой в 22 года, я — сиротой в два, какая тут семья? Выжили. Первые мои воспоминания о том, как хочу есть. Это я помню до сих пор, причём конкретно: смотрю, как кто-то ест, и хочу есть.

Снится такое?

Нет. Вообще, со снами у меня... Падаю и засыпаю.

А как получилось, что, с детства увлекаясь литературой и историей, вы поступили на механико-математический факультет?

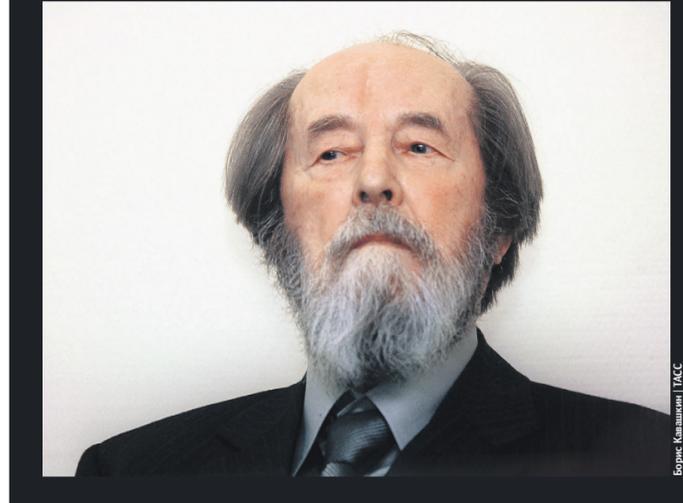
Очень просто. Хотя никто не мог бы вообразить, включая меня, что я пойду на мехмат. Я кончала школу в 1956 году, в феврале был XX съезд. Я посмотрела-посмотрела и думаю: «В эту партию я никогда не пойду, а если поступлю на какой-нибудь гуманитарный факультет, дальше уже куда хода не будет, пока не вступил в партию». А математика у меня очень любила, она у меня легко шла. Любила я её тоже скорее гуманитарно — за необыкновенную красоту и гармонию.

Окончила школу с золотой медалью, но на мехмат экзамен по математике был и для медальстов, сдала, поступила — и никогда не пожалела об этом. Солженицын тоже кончал физмат Ростовского университета, как раз перед войной. Нам было легко друг друга понимать — у обоих мозги, структурированные благодаря образованию. Много слов не надо было, сразу всё становилось понятно.

После МГУ вы работали у знаменитого Колмогорова, окончили аспирантуру. Могли бы на Западе сделать научную карьеру?

Математическую? Нет. Она пресекала, как только я начала Солженицыну помогать — ещё до того, как мы с ним соединились. Работа была огромная. Сложная. Поди достань архивные материалы, они все в спецхране.

Если бы нас не выслали, наверное, так бы и продолжалось: я параллельно работала бы в математике и ему помогала. Но в эмиграции мы жили в Вермонте. Четверо сыновей. До Бостона 2,5 часа на автомобиле, это если скорость не превышать. До Нью-Йорка — 4,5–5 часов, если сильно превышать. Ездить туда-сюда — тогда надо семью

Борис Кашин / ТАСС

бросать. Или не жить там, где Александр Исаевич может писать. Если бы мы жили в Нью-Йорке, всё было бы по-другому, и сыновья выросли бы другими.

Какими?

Не знаю. Другими. В Нью-Йорке публичность очень важна: «У тебя знаменитый отец? Ого!» А в Вермонте они были от этого ограждены. Довольно рано начали читать. Игнат в десять лет прочел «Архипелаг» — полный, трёхтомный. Тогда сокращённого не было. Игнат у нас необычный, до сих пор без книжки в кармане из дома не выходит.

Ермолай со Степаном по складу мышления больше технари, но и они лет в одиннадцать-двенадцать прочитали рассказы отца. Чувствительные были дети. Помню, как Алексей Евгеньевич Климов (профессор, специалист по русской литературе. — *Известия*) читал им «Шинель», а они рыдали.

Как получилось, что в литературной семье Игнат, ныне известный дирижёр и пианист, стал заниматься музыкой?

Он просто прилип к роялю в доме, куда мы переехали. Я же была против, во многом из-за воспоминаний своего детства. Мы в Москве жили в такой «второй семье слободке», в коммуналке, этот дом и сейчас стоит. Но это была Тверская улица, рядом находились прекрасные дома, жили обеспеченные семьи. Девочек там заставляли заниматься на рояле, и они все мне завидовали: я прыгаю в классики на улице, а они должны за инструментом сидеть. У меня осталось впечатление, что все, кого насильно приучают к музыке, ненавидят это занятие.

Поэтому, когда Игнат заинтересовался роялем, я сказала: «Пусть лучше книги читает, да чем угодно занимается, только не музыкой». А потом приехал Ростропович, обругал нас и сказал, что этого ребёнка надо учить. Других можно не учить, а этого надо. В общем длинная история.

Откуда у ваших сыновей такие необычные для 1970-х имена? Тогда называли Володами, Серёжами, Сашами, Алёшами...

Алексей — замечательное имя. Я хотела Алексея, хотела Антона, но мне отказали.

Александр Исаевич сам выбирал?

Мы вместе выбирали. Он писал длинный список имён, и каждый вычёркивал те, что не нравились. Из этого короткого списка мы по согласию выбирали. Для первого сошлись на Ермолае, для второго — на Игнате. А Степан — это должок, как Александр Исаевич говорил. «Я должен должен отдать. Неизвестно, будут ли дальше ещё дети, а вот этого последнего давай назовём Степаном». Он сам родился на Степана по старому стилю. Но мать назвала Александром — хотела, чтобы дома его звали Саней, как отца, который погиб ещё до рождения сына.

Раз уж зашла речь о именах, не могу не спросить. Отца Солженицына по паспорту звали Исаакием, почему же он Исаевич?

Паспортная ростовская ошиблась, выписала неправильный паспорт. Вместо Исаакиевича, написала Исаевич. Наверное, можно было подать заявление и выписать новый паспорт, но мать

побоялась волну поднимать, потому что она была полная лишенка. Её вычищали со всех работ. Зная несколько языков и имея высшее образование, она работала стенографисткой-машинисткой, одна тащила сына. Преследовали её за происхождение, что ни на есть крестьянское, но зажиточное: отец Захар Щербак был пастухом из Таврии, но сумел построить крепкое хозяйство.

А что вы знаете о своём дед? Спрашиваю, потому что в конце 1930-х он работал в «Известиях».

Как раз про этот период знаю очень мало. Дед рано остался сиротой. Его мать была гречанка, которую его отец, коммивояжёр, привёз в бочке из Стамбула. Такая семейная легенда. Она родила ему подряд трёх сыновей и третьими родами умерла. Дед был вторым. Один из сыновей утонул в Чёрном море, второй потерялся в Гражданскую войну, а мой дед в 15-летнем возрасте пошёл в эсеры-максималисты, то есть, извините, в бандиты, которые занимались «эксами» и добывали деньги на партию. Потом Ленин всех эсеров уничтожил, а эсеров-максималистов простили и разрешили тем, кто хочет, перейти в большевистскую партию. Дед захотел и на какое-то время сохранился.

У Маяковского есть строчки: «Россия, затеплив огарок свечи, читает взасос политграмоту Бердникова». На этом «Курсе политграмоты» два имени: А. Бердников и Ф. Светлов, мой дед. Он у Александра Ивановича был на подхвате, в стихи не вошёл. Его арестовали раньше, чем я родилась. Он умер в 1943 году в лагере в Инте или в Ижме, толком не знаю где. В 1957-м его реабилитировали.

Что хорошо помню, это как мы с бабушкой собирали ему посылки. То, что не портится: банки сгущёнки, тушёнки, если повезёт, ещё что-то. Складывали в фанерный ящик, соседка обшивала дерюгой, мама чернильным карандашом писала адрес, а мы с бабушкой ездили за 100 км от Москвы отправлять посылку. Почему так далеко, не знаю, наверное, бабушка боялась давать обратный московский адрес. Посылки шли, а его уже давно не было в живых. А нам никто не сообщил. А кем он работал в «Известиях», не знаю.

В «Известиях» он заведовал отделом критики и библиографии.

Это лучше, чем другое. Спасибо.

Вернемся к рязанскому музею. Каким вам видится его будущее?

У музея огромный потенциал. На сегодняшний день это самое большое выставочное солженицынское пространство. Кроме музея-квартиры на Тверской существует несколько музеев, связанных с именем Александра Исаевича. Самый первый небольшой музей был открыт в середине 1990-х в Мезиновской школе во Владимирской области, где Солженицын преподавал математику и физику. В Рязани в электротехническом колледже была «комната-музей одного рассказа» (действие рассказа «Для пользы дела» происходит именно в этом учебном заведении). Детским и юношеским годам Солженицына посвящён музей в Кисловодске, где он родился. Пять лет назад под Рязанью открыта музейная экспозиция «Солженицын в Солотче». Есть культурный центр его имени в Париже. Готовится экспозиция в американском Вермонте — здесь созданием музея занимаются местные жители.

На базе этих экспозиций мы планируем создать ассоциацию солженицынских «точек». Причём это обязательно музеи. Например, в Саратове Александр Исаевич почти не бывал, но в местном университете сильное солженицыноведение. Возможно, существуют и другие энтузиасты. Всех их ждём в нашем фонде. На сентябрь намечено первое заседание по вопросу ассоциации.